

Быть здесь — уже чудо

Жизнь Паулы Модерзон-Беккер

Мари Дарьесек

No Kidding Press

Мари Дарьесек

Быть здесь – уже чудо. Жизнь Паулы Модерзон-Беккер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57474077

Мари Дарьесек. Быть здесь – уже чудо. Жизнь Паулы Модерзон-

Беккер: No Kidding Press; Москва; 2020

ISBN 978-5-6042478-3-9

Аннотация

Паула Модерзон-Беккер была здесь: дружила с Рильке, бродила по пустошам, писала детей и крестьянок, увлекалась нудизмом, вела дневник и стала первой художницей, решившейся на обнаженный автопортрет. При жизни Паула не получила признания: на ее выставки писали едкие рецензии, а продать ей удалось всего три картины – не в пример меньше, чем ее супругу, художнику Отто Модерзону. Нацисты уничтожили часть ее произведений, считая их «дегенеративными». Но у Паулы всегда были защитники. Среди них – французская писательница Мари Дарьесек, создавшая живой и точный литературный портрет Паулы – историю неравной борьбы экспрессионистки с художниками начала XX века, поиска собственного стиля, дружбы с Кларой Вестхофф и брака с Отто Модерзоном, ее жизни в Ворпсведе и Париже. «Быть здесь – уже чудо»

закрепляет за Паулой репутацию важнейшей фигуры модернизма и проливает свет на те трудности, с которыми сталкивались художницы на пути к профессиональному признанию.

Содержание

Быть здесь – уже чудо. Жизнь Паулы Модерзон-Беккер	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мари Дарьесек

Быть здесь – уже чудо. Жизнь Паулы Модерзон-Беккер

Перевод: Светлана Яцык

Редактор: Тимофей Петухов

Корректурa и верстка: Юлия Кожемякина

Дизайн обложки: Юлия Попова

Технический редактор: Лайма Андерсон

Главный редактор: Александра Шадрина

© Editions P.O.L, 2016

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency

& Associates

© Светлана Яцык, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2020

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского Института в России

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Institut français de Russie

Programme Pouchkine

*Быть здесь – уже чудо.
Рильке. Дунские элегии*

Быть здесь – уже чудо. Жизнь Паулы Модерзон-Беккер

I

Она была здесь – на Земле и в этом доме.

В ее доме для посетителей открыты три комнаты. Они огорожены красными бархатными канатами. На мольберте стоит репродукция ее последней картины, букет подсолнухов и мальв.

Она писала не только цветы.

За серой дверью, запертой на ключ, была лестница на второй этаж – там мне мерещились призраки. А если выйти из дома, можно было увидеть Паулу и Отто, Модерзон-Беккеров. Одетые в нелепо стилизованные костюмы, они – не призраки, а монстры – смотрели из окна своего дома мертвых, поверх улицы, поверх нас, живых. Пара восковых манекенов, двухголовый уродец в окне этого милого строения из желтого дерева.

Не будем лукавить, здесь и чудо, и ужас: ужас ее истории

(если жизнь человека уместно называть историей): умереть в тридцать один год, когда впереди еще столько не сделано, с младенцем восемнадцати дней от роду на руках.

И ее могила ужасна. Она находится в Ворпсведе, пряничной туристической деревушке. В эдаком Барбизоне¹ Северной Германии. Памятник для нее сваял Бернгард Хётгер, друг Паулы. Это огромный монумент из гранита и кирпичей. Полуобнаженная женщина, крупнее, чем в жизни, на животе – голый младенец. Как будто и ребенок умер, но это не так: Матильда Модерзон прожила девяносто один год. Памятник уже потрепан временем, ветром и снегом Ворпсведе.

Двадцать четвертого февраля 1902 года, за пять лет до смерти, Паула Модерзон-Беккер писала в своем дневнике: «Я часто думаю о своей могиле... Над ней не должно быть холма. Хватит простого прямоугольного участка, с белыми гвоздиками по краям. А вокруг гвоздик пусть идет скромная гравиевая дорожка, тоже окруженная гвоздиками, и простая деревянная ограда, за ней – заросли шиповника. В ограде была бы небольшая калитка для тех, кто придет меня навестить, а в глубине – маленькая тихая скамейка, чтобы можно было посидеть. Пусть меня похоронят на кладбище за нашей церковью в Ворпсведе, у изгороди, из-за которой открывается вид на поля (в старой части, на другом конце). Может быть, еще два куста можжевельника в изголовье могилы, а

¹ Деревня в лесу Фонтенбло, полюбившаяся французским пейзажистам, которые часто выезжали сюда на пленэры.

между ними – табличка из черного дерева с одним только моим именем, без даты, без лишних слов. Вот это было бы хорошо... Может, еще стоит добавить горшок, чтобы люди могли оставлять свежие цветы».

Те, кто приходят ее навестить, оставляют цветы между ног ребенка. У могилы и правда растет шиповник, как и другие кусты. В эпитафии, выбитой в граните, выделено слово GOTT (бог) – заглавными буквами. Мой друг, говорящий по-немецки, узнает библейский стих, это Послание к Римлянам, 8:28: «любящим БОГА <...> всё содействует ко благу». На могиле той, что поминала Бога, только когда читала Ницше.

Странно ли в двадцать шесть лет задумываться о могиле? Отто потерял свою первую молодую жену; не было ли новой молодой жене не по себе, когда она сочеталась браком с этим вдовцом? «Я принесла вереск на могилу женщины, которую он однажды назвал своей возлюбленной».

«Предчувствия» Паулы воплотились в романтических персонажах, Девушке и Смерти. Рассказывая о картинах, которые она хотела бы написать, совсем юная Паула никогда не упоминала ни танцы, ни похороны, ни яркий белый, ни приглушенный красный... «Если бы только любовь распустилась для меня до того, как я уйду; если бы я могла написать три прекрасные картины, я бы упокоилась с радостью, с цветами в волосах».

Паула вечно молода. От нее осталась лишь дюжина фотографий.

Хрупкая, тонкая. Круглые щеки. Веснушки. Свободный пучок, пробор посередине. «Цвета флорентийского золота», – скажет Рильке о ее волосах.

Ее лучшая подруга, Клара Вестхофф, записала свои воспоминания об их встрече в сентябре 1898 года: «Она держала на коленях медный чайник, который собиралась починить перед переездом. Она сидела на табурете для моделей и смотрела, как я работаю. Чайник был такого же цвета, что и ее прекрасные густые волосы <...>, оттеняя ее подвижное, искрящееся лицо и тонко очерченный нос с трогательной горбинкой. Она поднимала голову, и выражение удовольствия словно поднималось на поверхность, а в ее глубоких темных глазах светились ум и радость».

Воскресенье, август 1900 года, подруги вместе; вечер, Паула пытается читать, но часто поднимает глаза: погода слишком хороша, жизнь слишком прекрасна, нужно идти танцевать. Но куда? Две девушки в белых платьях, прикрывающих

лодыжки, с короткими рукавами и завышенными талиями бродят по пустынной деревне. Небо над Ворпсведе красное. Над плоским пейзажем возвышается холм с церковью. Вдруг идея – они взбираются на колокольню, хватаются за канаты и звонят в колокола: в маленький и в большой.

Это скандал. Школьный учитель подбегает, но, завидев, кто это, разворачивается: две молодые мещанки, две художницы! Запыхавшийся пастор шипит: «Sacrosanctum!»² В церкви собирается небольшая толпа. Чета Брюнйесов, которым принадлежит мастерская Паулы, изобретает алиби: «Фройляйн Вестхофф и фройляйн Беккер? Это невозможно, они были в Бремене!» Фермер Мартин Финке клянется, что отдал бы пять су, чтобы увидеть это своими глазами. А маленькая горбунья, которая чистит картошку на кухне, хихикает над рассказом об их похождениях.

Вот письмо Паулы к матери, написанное 13 августа 1900 года. Нужно очень любить мать, чтобы писать ей настолько прекрасные и живые письма. Паула приложила к нему набросок углем: на нем она, маленькая блондинка, ухватилась за огромный колокол. Напрягла бицепсы, отставила назад ягодицы; Клара, высокая шатенка, громко хохочет, уперев руки в бедра. Первая выйдет за Отто Модерзона, вторая – за Райнера Марию Рильке. Художница, умершая молодой, и скульпторка, умершая пожилой, да еще и забытой.

Клара и Паула познакомились в Ворпсведе, на уроках ри-

² Боже святой!

сования у сурового Фрица Макензена. Они останутся лучшими подругами, вместе пройдут учебу, любовь и размолвки. Ничто так не сближает, как размолвки. Вот они стремглав несутся с занятий на санках. Вот – немного позже, в Париже – они готовят пять бутылок пунша и два пирога (с миндалем и клубникой) для студенческого праздника. Вот они катаются на лодке по Марне, среди соловьев и тополей. Вот они на Монмартре, со смехом отбиваются от монахини, которая пытается их воцерковить. Вот они спускаются по дорожкам Мёдона, направляясь в гости к Родену. Вот они снова в Ворпсведе, и двое мужчин, художник Модерзон и поэт Рильке, смотрят на них с явным желанием.

В семье Беккеров все много писали друг другу. Поэтому сохранились сотни писем Паулы – в дополнение к ее дневнику и девичьему альбому. Паула – третий ребенок Беккеров. Всего их шестеро; седьмой брат умер во младенчестве. Отец, мать, дяди, тети, братья, сестры – стоит кому-нибудь разъехаться, как они сразу начинают переписываться. Это семейный долг, это ритуал, это доказательство любви.

Однажды шестнадцатилетняя Паула, уехавшая в Англию к тете Марии, чтобы научиться вести хозяйство, вернулась раньше, чем должна была. И куда более страстно, чем должна была, взялась за рисование. Мать поддерживает Паулу и

даже сдает в наем комнату, чтобы оплачивать ее занятия. И отец не возражает, но какая-то профессия все равно нужна. В сентябре 1895 года Паула получила диплом учительницы.

Но она вовсе не бросается в работу. Получив от дяди небольшой капитал, она обосновывается в Ворпсведе и записывается на знаменитые тогда курсы Макензена. Там она рисует тела, изучает лица и руки. Замечает изъяны, следы нищеты. Не делая из них сентиментальные сюжеты. Она рисует то, что видит; как потом будет рисовать тела парижан и собственное тело. Ей нравятся сильные контрасты, она нередко подчеркивает тень. Она станет экспрессионисткой, что не придется по вкусу рафинированным пейзажистам из Ворпсведе.

И тем более не понравится местным критикам, когда в 1899 году в Бременском музее состоится ее первая выставка (совместно с Кларой Вестхофф, чьи скульптуры, впрочем, были приняты более благосклонно, и Марией Бок, еще одной ученицей Макензена). Некому Артуру Фитгеру *станет дурно* перед полотнами. Он и хотел бы описать их «высоким слогом», но ему в голову шли только «низкие» слова, которые он, «возмущенный» этой «прискорбной выставкой» (особенно если сравнить ее с произведениями «из сокровищницы истинного искусства немецкого народа»), предпочел не записывать. Карл Виннен, признанный местный художник, попытался защитить выбор музея, «порыцарски открывшего двери этим бедным дамам из Ворп-

сведе».

Бедная дама тем временем читает пьесы Ибсена и «Дневник» Марии Башкирцевой. Мечтает о жизни в Париже. Рисует своих моделей в деревне. Ее приглашают на творческие вечера у Отто Модерзона или Генриха Фогелера. Фогелер поет под гитару, пародируя негритянские песни, все танцуют, и Паула, как она запишет в дневник перед сном, знает, что ей очень к лицу ее новое платье зеленого бархата и что некоторые не сводят с нее глаз.

Я не знаю, как это назвать. Я не знаю, стоит ли говорить «влюбляется».

Паула Беккер склоняется к Отто Модерзону.

На выставке в Бремене в 1895 году она видела его картины. Ей в них понравилась «правдивость» – и ничего больше. А затем она в первый раз увидела его самого: «Что-то высокое, в коричневом костюме и с рыжей бородой. С мягкими и доброжелательными глазами. Его пейзажи производят глубокое, очень глубокое впечатление: осеннее солнце, пылающее и меланхоличное. Я бы хотела познакомиться с этим Модерзоном поближе». Ей непросто было освоиться в Ворпсведе. Там был, конечно, Фогелер, очаровательный художник немногим старше ее, но Фриц Овербек, другой художник, принимал ее подчеркнуто холодно. «Модерзона

же я, напротив, нахожу очень привлекательным. Он милый, легкий в общении, и в его натуре мне слышится музыка, которой мне хочется аккомпанировать на своей маленькой скрипке. Его картинам уже удалось пробудить во мне интерес к нему. Он добрый мечтатель». Его мнение значимо для нее. Она часто обсуждает с отцом этого мужчину, старше нее на одиннадцать лет. А еще он «выше на семнадцать сантиметров, обладает огромной силой чувств, у него острая рыжая борода; он серьезен, почти меланхоличен, но радоваться тоже способен». Он – вылитая копия ее отца. Даже на фотографиях заметно портретное сходство: его лоб, нос и борода будто бы списаны с отца Паулы.

И лишь в одном письме к матери Паула упомянула его супругу, фрау Модерзон, «хрупкую чувственную женщину с развитой интуицией». И, хотя обычно Паула адресовала свои письма Отто «господину и госпоже Модерзон», как требовали приличия, перед самым отъездом в Париж, под предлогом возврата книги, она написала ему лично о том, как сильно ей хочется снова его увидеть.

Паула решила потратить капитал дяди Артура на учебу в Париже. Ее отец беспокоится. Дневник, 5 июля 1900 года: «Отец написал мне сегодня и посоветовал устроиться гувернанткой. И всю вторую половину дня я провалялась на песке

среди вереска, читая „Пана“ Кнута Гамсуна».

1900 год. Мир молод. Кнут Гамсун пишет о птицах и о летней любви, о молодых побегах и густых лесах. Гениальный автор «Голода» еще не стал тем нацистом, который передарит Геббельсу свою медаль, полученную вместе с Нобелевской премией. И Ницше еще не присвоили злодеи. Можно верить в царство бога Пана, в Природу и в «здесь и сейчас».

1900 год. Все произошло в 1900 году. Паула пишет своему брату Курту, что после долгих лет в дреме и грезах она, наконец, пробудилась. И что перемены в ней, быть может, удивят ее семью. Но все к лучшему. Они будут довольны. Они должны ей доверять.

Бремен – Париж, семнадцать часов на поезде. В одном купе с Паулой едет мадемуазель Клэр, артистка кабаре. Ее коллега, «молодой человек с негроидными чертами», стоит в коридоре и не решается войти в купе из-за Паулы. Но даже под ее «строгим немецким взглядом» они не перестают болтать и петь.

Клише помогают описывать сложный мир. Французы – легкомысленные *скептики*, ведут себя непристойно и остроумно. Немцы же, напротив, скромные и серьезные, опрятные и медлительные. Паула записалась в Академию Коларосси, где ее однокурсницы-парижанки позволяли себе называть *милыми* работы Родена, этого живого божества. На самом же деле они *прекрасны!* «Эти девицы просто не спо-

собны сказать ничего глубокого».

Камилла Клодель была студенткой в Коларосси; любовница Модильяни Жанна Эбютерн тоже туда записалась. Здесь студенткам можно было писать обнаженную натуру³. Женщины позировали полностью обнаженными, мужчины – в кальсонах. «К несчастью, – напишет Паула родителям, – все эти модели – „позёры“. Они знают с полдюжины поз и постоянно их повторяют». Паула пишет торжествующего уса-ча, поднявшего подбородок и скрестившего руки на груди. На нем белые плавки; даже без одежды он выглядит парижанином.

Паула ходит на курсы по анатомии в Высшую школу изящных искусств – в 1900 году она открыла двери девушкам⁴. Там много иностранок: американки, испанки, англичанки, немки, русские – все они приехали, потому что не нашли ничего подобного в своих странах. Несмотря на головную боль, которую у нее вызывают трупы (предоставленные школой медицины), Паула очень ценит этот курс. Наконец-то она поняла, что такое колено, – напишет она родителям. Катлин Кеннет, студентка из Англии, писала в 1900 году с некоторой иронией: «Сказать, что девушка двадцати лет отправи-

³ В Академии Жюлиана, которую посещала Мария Башкирцева, девушки также учились вместе с молодыми людьми. Но занятия с обнаженной натурой для них проводили отдельно. По неизвестной мне причине запись на эти курсы стоила для девушек в два раза дороже, чем для юношей.

⁴ Благодаря настойчивости скульпторки Элены Берто и художницы Виржини Демон-Бретон.

лась в Париж, чтобы учиться изящным искусствам, означало, в сущности, констатировать, что она навсегда потеряна для общества». Во всяком случае, Паула считала, что учиться там «женщинам тяжелее». От них ожидали миленьких и обольстительных картин, тогда как мужчинам позволялось *хулиганить*. А этот прекрасный, порочный Париж! Затхлая вонь абсента, всюду – грязь и лица, напоминающие луковицы. Отец заклинал ее не гулять вечерами по Большим бульварам, потому что «там можно увидеть дурные вещи».

Паула снимает комнату на бульваре Распай. Кровать в длину, полторы кровати в ширину. На стенах – обои в цветочек. Камин, лампа на парафиновом масле. Комнату с ней делит Клара Вестхофф, приехавшая учиться у Родена. Первая покупка – матрас. Вторая – метла. Надраить, вычистить все. Тридцать сантимов – и по воскресеньям будет приходиться уборщица. Паула мастерит мебель из обрезков досок и драпирует их кретоном. Цветы здесь невероятно дешевые: всего за пятьдесят сантимов можно купить букет нарциссов или мимоз или восемь роз! Она нашла кафе-молочную, в которой можно поест за франк (правда, не слишком плотно).

Она худеет. Бутылка красного вина за пятьдесят сантимов, полезно для железа в крови. Родители посылают ей леденцы.

Лувр. Гольбейн. Тициан. Боттичелли, его огромная фреска; пять молодых женщин в летящих платьях словно сняли «огромный груз с ее сердца». И Фра Анджелико. Быть с ним в окружении святых. А снаружи видеть Сену то в голубой,

то в золотистой дымке. Акробаты на набережных. Букинисты разложили книги на лотках. Коро и Милле в частных галереях. Ей есть что показать Кларе: на правом берегу, у торговца Воллара, стопки картин привалены к стенам, и она уверенно их перебирает. Здесь есть новая простота, говорит она, – Сезанн.

Паула гуляет много и всюду. Омнибусы огромны, их тянут тройки. Некоторые запряжены «тандемом»: лошади идут гуськом. Это так живописно, что она делает наброски. Но самое экстравагантное – парижане. Немыслимые шляпы, невиданные цвета, художники, одетые совершенно карикатурно в бархатные костюмы, с невероятными развевающимися галстуками, в плащах и даже тогах, длинные шевелюры, женщины вытворяют с волосами невероятные вещи. И «Бал Бюлье», студенты вперемешку со швеями и прачками, широкие шляпы, шелковые платья, открытые блузы и даже дутые велосипедные штаны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.